

4. Ricciuti, R. Bringing Macroeconomics into the Lab / R. Ricciuti // *Journal of Macroeconomics*. – 2008. – Vol. 30, Iss. 1. – P. 216–237.
5. Werner, P. The Role of Experiments for Policy Design / P. Werner, A. Riedl // *Environmental Economics*. – 2018. – 40 p.
6. How can experiments play a greater role in public policy? Twelve proposals from an economic model of scaling / O. Al-Ubaydli, M. Lee, J. A. List [et al.] // *Behavioural Public Policy*. – 2020. – Vol. 5. – P. 2–49.
7. Callander, S. Preemptive Policy Experimentation / S. Callander, P. Hummel // *Econometrica*. – 2014. – Vol. 82. – P. 1509–1528.
8. Дегтярев, А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы / А. А. Дегтярев // *Полис. Политические исследования*. – 2004. – № 4. – С. 158–168.
Degtyarev, A. A. Process of Decision-Making-and-Realizing in Public Policy: Dynamic Cycle and Its Main Phases / A. A. Degtyarev // *Polis. Political Studies*. – 2004. – № 4. – P. 158–168.
9. Воробьев, В. А. Экономические полевые эксперименты: новый подход к сокращению бедности / В. А. Воробьев, А. А. Кравченко, Т. Л. Майборода // *Белорусский экономический журнал*. – 2019. – № 4. – С. 4–26.
Vorobiev, V. A. Economic field experiments: a new approach to poverty reduction / V. A. Vorobiev, A. A. Krauchanka, T. L. Maibarada // *Belarusian Economic Journal*. – 2019. – № 4. – P. 4–26.
10. Воробьев, В. А. Что и как взаимосвязано в экономике? Поиск ответов через естественные эксперименты / В. А. Воробьев, А. А. Кравченко, Т. Л. Майборода // *Белорусский экономический журнал*. – 2021. – № 4. – С. 4–26.
Vorobiev, V. A. How are economic variables related? Search for answers through natural experiments / V. A. Vorobiev, A. A. Krauchanka, T. L. Maibarada // *Belarusian Economic Journal*. – 2021. – № 4. – P. 4–26.
11. Stoker, G. Translating Experiments into Policy / G. Stoker // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2010. – Vol. 628. – P. 47–58.
Статья поступила в редакцию 31.10.2024.

УДК 339.9.012

S. Kristinevich
BSEU (Minsk)

INTER-SUBJECT INTERACTION IN ECONOMY: VOLUNTARY AND INVOLUNTARY EXCHANGE

Economic actors interact with each other using different behavioral strategies depending on their own power potential. The article examines four such forms of behavior: market interaction, struggle, play, and violence. It describes these strategies, as well as the conditions for achieving a violent equilibrium that characterizes involuntary exchange.

Keywords: voluntary exchange; involuntary exchange; inter-subject interaction; redistribution of power; market interaction; struggle; game; violence.

МЕЖСУБЪЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭКОНОМИКЕ: ДОБРОВОЛЬНЫЙ И НЕДОБРОВОЛЬНЫЙ ОБМЕН

Экономические субъекты взаимодействуют между собой, используя разные поведенческие стратегии в зависимости от собственного потенциала власти. В статье рассматриваются четыре такие формы поведения: рыночное взаимодействие, борьба, игра и насилие. Дается описание этих стратегий, а также условия достижения насильственного равновесия, характеризующего недобровольный обмен.

Ключевые слова: добровольный обмен; недобровольный обмен; межсубъектное взаимодействие; силовое перераспределение; рыночное взаимодействие; борьба; игра; насилие.

Реализация индивидуальных или групповых целевых функций предполагает взаимодействие между субъектами экономического процесса. Многообразие моделей взаимодействия, с которыми работают экономисты, может быть структурировано на основе критерия добровольности/недобровольности обмена. Добровольным называют такой обмен, в процессе которого взаимодействие участников не наносит ущерба собственным интересам и принимаются во внимание интересы партнеров. Принято выделять следующие формы обмена [1–9]: рыночное взаимодействие, борьба, игра, насилие.

1. *Рынок как совокупность добровольных обменов.* Рыночный обмен представляет собой вариант взаимодействия, основанный на принципах добровольности, взаимовыгодности, регулярности, кооперативности и конкурентности. Такая организация сотрудничества есть прообраз рынка совершенной конкуренции. Невыполнение какого-либо из принципов предполагает рассмотрение несовершенных форм рыночного взаимодействия (монополии, олигополии и т. п.). Обмен на рынке реализуется посредством совершения сделки. Однако она несводима к обмену. Если сделка, скорее, механистическая процедура, связанная с перемещением благ и их прав собственности, то обмен – еще и форма реализации собственного интереса путем использования имеющихся властных полномочий.

Среди множества подходов к исследованию экономической реальности одним из самых распространенных является равновесный. Традиционной областью приложения равновесных моделей является рыночное взаимодействие. Итогом выгодного взаимодействия участников рынка является равновесие. Понимание рынка как способа координации экономической деятельности предполагает рассмотрение конкурентного равновесия в качестве базисного результирующего состояния. Простейшей моделью такого равновесия считается «экономика чистого обмена», исключаяющая из анализа сферу производства. В общем виде для случая n агентов и k благ ситуация экономического обмена может быть описана системой уравнений [10, с. 83]:

$$\begin{aligned}
A_1^i &= k_1^i(p_1^i(A_1^i, A_1^{-i}) - p_m^i), \\
&\dots \\
A_n^i &= k_n^i(p_n^i(A_n^i, A_n^{-i}) - p_m^i), \\
A_s^i &= k_s^i(p_s^i(A_s^i) - p_m^i), \\
p_m^i &= \alpha_i(A_1^i + \dots + A_n^i - A_s^i),
\end{aligned} \tag{1}$$

где $A_1^i, \dots, A_n^i$ – объемы спроса на благо i со стороны агентов $1, \dots, n$;

$A_s^1, \dots, A_s^k$ – объемы предложения благ $1, \dots, k$;

– обратная функция спроса на благо j со стороны агента i , где

$$A_i^1 = \{A_i^1, \dots, A_i^{j-1}, A_i^{j+1}, \dots, A_i^k\};$$

$p_s^i(A_s^i)$ – обратная функция предложения блага $i = 1, \dots, k$;

$p_m^1, \dots, p_m^k$ – рыночные цены благ $1, \dots, k$, формируемые в процессе обмена.

Точка равновесия определяется из уравнений

$$p_1^i(A_1^i, A_1^{-i}) = \dots = p_n^i(A_n^i, A_n^{-i}) = p_s^i(A_1^i + \dots + A_n^i), i = 1, \dots, k. \tag{2}$$

В настоящее время в исследованиях конкурентного равновесия на экономических рынках можно условно выделить пять подходов [11]:

– «нащупывание» равновесных цен: подход основан на идеях Л. Вальраса о саморегуляции рынка, впоследствии модифицирован П. Самуэльсоном. Неравновесные цены изменяются в соответствии с избыточным спросом (повышение цены) и избыточным предложением (снижение цены);

– матрица Якоби: для анализа неравновесных цен используется дифференциал функции избыточного спроса;

– использование неравновесных моделей для анализа торговли;

– моделирование продуктовых обменов без цен;

– стратегический подход с позиций теории игр.

Перечисленные подходы являются традиционными при анализе равновесия на экономических рынках в рамках микроэкономического подхода.

2. *Борьба представляет собой недобровольную (конфликтную, некооперативную) форму взаимодействия, проявляющегося в столкновении интересов.* Данный тип взаимодействия, как правило, характеризуется нулевой или отрицательной суммой. В политической и экономической науке такая модель сотрудничества используется при анализе международных отношений, стратегий поведения фирм на отраслевых рынках и других случаях с асимметричным распределением власти. Отличительной чертой этой формы обмена выступает возможность применения системы вознаграждения или санкций со стороны субъекта (или группы субъектов с общей целевой функцией), обладающего большим потенциалом насилия.

3. *Игра.* Если рыночное взаимодействие – форма добровольного обмена, а борьба – недобровольного, то игру можно определить как гибридный (промежуточный) вариант отношений между субъектами. Под игрой понимается тип стратегического взаимодействия в традициях теории рационального выбора.

В зависимости от того, какие в игре доминируют компоненты, рынка или борьбы, для описания поведения используются кооперативные или некооперативные виды игр. Результативность от такого взаимодействия описывается термином «нулевая сумма», если выигрыш одного игрока равен проигрышу другого (антагонистическая игра), или – «ненулевой суммой» в иных ситуациях. Игра как форма обмена при этом не сводима к набору вариаций свойств рынка и борьбы. Особенностью этого вида социального взаимодействия является возможность договоренности об условиях понимания конфигурации «обмена».

4. *Насилие*. Неоднородность распределения власти между акторами политико-экономического процесса допускает возможность применения такой ее формы, как насилие. Насилие как вид недобровольного обмена может проявляться в конкретных действиях доминанта или угрозе совершения этих действий. Соотношение между актами насилия и действенностью механизмов принуждения формирует ожидания по поводу дальнейшего взаимодействия. Убедительность таких ожиданий позволяет экономить доминанту на издержках осуществления насилия, используя угрозу в качестве регуляции. Существование насилия, как в форме акта, так и угрозы, усложняет на данном этапе задачу его измерения.

Ключевой характеристикой силового перераспределения выступает состояние насильственного равновесия. Оно характеризуется тем, что дальнейшее использование силового потенциала для интервента ведет к снижению легитимности и росту издержек контроля, а сопротивление объекта интервенции установленному институциональному порядку вызывает возрастание издержек неподчинения. Приведенная трактовка отличается от принятой в экономической теории. Ведь обычно результатом равновесия выступает сбалансированность сил и интересов субъектов взаимодействия. И никто из них не имеет мотивов изменять ситуацию. Такое понимание равновесия обусловлено тем, что оно описывает результат поведения экономических агентов при добровольном акте обмена. Насильственное равновесие характеризует недобровольный обмен. Оно предполагает, что одна из сторон находится в состоянии принуждения, добровольный выход из обмена невозможен и набор поведенческих альтернатив строго ограничен. Поэтому при описании насильственного равновесия речь идет не о распределении взаимного выигрыша от взаимодействия, а о согласовании уровня терпимости (максимальной величины издержек, которую готова нести жертва) и порогового (минимально возможного) значения легитимности интервента. Превышение уровня терпимости жертвы приводит к потере легитимности интервента и социальной напряженности [7].

С точки зрения последствий для экономической безопасности представляет интерес такая форма институциональных изменений, которая в краткосрочном периоде выводит институциональную систему из равновесия и сопровождается высоким ростом издержек (экономических, социальных), способных создавать социальную напряженность. Это касается не только формальных институтов, которые могут меняться относительно быстро, но и неформальных, по сути, отвечающих за трансформацию системы ценностей. С учетом современных техник создания смыслов и конструирования реальности скорость целенаправленного изменения ценностей также возросла. Одной из стратегий поведения, способных

быстро менять правила в краткосрочном периоде, может быть институциональная интервенция – модель силового перераспределения, проявляющаяся в целенаправленном манипулировании правилами и/или механизмами принуждения к их соблюдению по причине использования экономическими субъектами преимуществ в потенциале насилия. Результатом институциональных интервенций выступают искажения функционирования аллокационных механизмов, ограничение доступных альтернатив поведения, рост/снижение издержек у экономических субъектов.

Необходимость оценки состояний институциональной системы до и после интервенции обусловлена желанием знать, насколько возросли издержки (ухудшилось положение) в обществе в целом или у социальной группы, способной вызвать напряжение. Для этого можно соотнести выгоды субъекта, инициировавшего интервенцию, издержки объекта, принимающего интервенцию с помощью межвременного дисконтирования. Базовая модель может иметь следующую логику. В момент времени t интервент получает выгоду $B(t)$, которая является долей дохода объекта, присваиваемой интервентом. Максимальная выгода ($B_{\max}$) фиксирована для интервента, выполняется условие $B_{\max} < 1$. Интервент максимизирует дисконтированный поток выгод (коэффициент межвременного дисконтирования $1 - \delta$).

Объект описывается пороговым уровнем терпимости S^* . Он определяется максимальными издержками, которые готов нести объект в результате институциональной интервенции. Ситуация $S^* < B_{\max}$ приводит к потере легитимности и социальной напряженности. Оптимальным для интервента будет состояние, когда $B_{\max} < (S^*)/\delta$. Издержки жертвы в этом случае зависят от значений $B_{\max}$ и ставки дисконта δ . Чем больше величина δ , тем с большим уровнем потерь соглашается жертва. Ожидание жертвой еще большего ухудшения «правил игры» в будущих периодах приводит к легитимации институциональной интервенции в текущем периоде.

Подобный подход позволяет выделить отдельную группу показателей экономической безопасности, характеризующих скорость деградации экономической системы. Наполнение этой группы может строиться на основе опережающих индикаторов экономической безопасности, которые бы сигнализировали о наличии существенных нарастающих диспропорций, влекущих в краткосрочном периоде потерю устойчивости экономической системы.

Включение в экономический анализ насилия как формы недобровольного обмена позволяет очертить ряд перспективных проблем, требующих как теоретического осмысления, так и выработки конкретных экономических решений. Среди прочих это: выявление стратегий принуждения через установление правил; определение возможностей контроля насилия и сдерживания силовых перераспределительных процессов; проблема равенства перед законом и доступа к ресурсам; поиск пороговых значений стабильности политико-экономического устройства; проблема деперсонификации функций управления, исследование потенциала легитимности как конкурентной системы убеждений (эффективности идеологии), разработка механизмов стимулирования конкуренции в политике, обеспечивающей контроль элит и поиска ренты.

Источники

1. Афонцев, С. А. Политические рынки и экономическая политика / С. А. Афонцев. – М. : КомКнига, 2010. – 384 с.

Afontsev, S. A. Political markets and economic policy / S. A. Afontsev. – М. : КомКнига, 2010. – 384 p.

2. Диксит, А. Стратегические игры / А. Диксит, Д. Рейли, С. Скит. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 880 с.

Dixit, A. Strategic games / A. Dixit, D. Reilly, S. Skeet. – М. : Mann, Ivanov and Ferber, 2017. – 880 p.

3. Норт, Д. Насилие и социальные порядки / Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 480 с.

North, D. Violence and Social Orders / D. North, J. Wallis, B. Weingast. – М. : Gaidar Institute Publishing House, 2011. – 480 p.

4. Garfinkel, M. Economics of conflict: An overview / M. Garfinkel, S. Skaperdas // Handbook of Defense Economics / eds.: T. Sandler, K. Hartley. – Vol. 2. – Amsterdam : Elsevier, 2007. – P. 649–709.

5. Inderst, R. Distributional conflict in organizations / R. Inderst, H. Müller, K. Wärneryd // European Economic Review. – 2007. – Vol. 51, iss. 2. – P. 385–402.

6. Besouw, B. van. The economics of violence in natural states / B. van Besouw, E. Ansink, B. van Bavel. – 2016. – MPRA Paper No. 71708.

7. Кристиневич, С. А. Типология институциональных интервенций в контексте силовых перераспределительных процессов // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 3. – С. 124–135.

Kristinevich, S. A. The typology of institutions intervention in the context of power redistribution processes / S. A. Kristinevich // Belarusian Economic Journal. – 2018. – No. 3. – С. 124–135.

8. Кристиневич, С. А. Институциональные интервенции: концепция и механизмы реализации в национальной и мировой экономике / С. А. Кристиневич. – Минск : ИВЦ Минфина, 2020. – 234 с.

Kristinevich, S. A. Institutional interventions: concept and mechanisms of implementation in the national and global economy / S. A. Kristinevich. – Minsk : IC of the Ministry of Finance, 2020. – 234 p.

9. Кристиневич, С. А. Инструментальное обеспечение проектирования механизмов институциональной интервенции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36, № 3. – С. 354–370.

Kristinevich, S. A. Instrumental support for the design of institutional intervention mechanisms / S. A. Kristinevich // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. – 2020. – Vol. 36, No. 3. – P. 354–370.

10. Бродский, Б. Е. Экономические модели обмена / Б. Е. Бродский // Экономика и математические методы. – 2008. – Т. 44, № 4. – С. 72–89.

Brodsky, B. E. Economic models of exchange / B. E. Brodsky // Economics and mathematical methods. – 2008. – V. 44, No. 4. – P. 72–89.

11. Маракулин, В. М. О сходимости договорных траекторий в экономике чистого обмена / В. М. Маракулин. – М. : EERC, 2006. – 19 с.

Marakulin, V. M. On the convergence of contractual trajectories in a pure exchange economy / V. M. Marakulin. – М. : EERC, 2006. – 19 p.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024.